

18+

ТАМАРА КОНЦЕВАЯ

Чужбина

ПОВЕСТЬ

Тамара Концевая
Чужбина. Повесть

«Издательские решения»

Концевая Т.

Чужбина. Повесть / Т. Концевая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853579-6

В 1989 году героиня отправилась за рубеж — в гости к студентке из Никарагуа. Рассчитывала на месяц, а осталась на пять лет. Там встретила землячек. Сплетение судеб россиянок, оказавшихся в далёкой стране, было не случайное. Они уехали на чужбину во времена так называемого «железного занавеса». Они боролись за себя. Они были сильными. С каждой из них жизнь распорядилась по-своему. У всякого времени свои герои и свои победители.

ISBN 978-5-44-853579-6

© Концевая Т.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Далёкая страна	10
Глава 2. Кража в день замужества	14
Глава 3. Мой прекрасный дом	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чужбина Повесть

Тамара Концевая

© Тамара Концевая, 2020

ISBN 978-5-4485-3579-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Поезд Москва – Астрахань отстукивал монотонный ритм по пожухлым осенним степям, без края раскинувшимся за самый горизонт. Давно остались позади подмосковные пожелтевшие березняки и сосновые боры, саратовские перелески по берегам великой Волги с бесконечным мостом, перекинутым через неё. Перекати-поле легко и быстро катилось вдоль насыпи, подпрыгивая на безжизненных просторах астраханских степей. Вдалеке одинокие верблюды паслись лениво. Отары овец кучно грудились меж пригорков. Всё казалось интересным, манящим.

Мне 28, всего 28! Я должна была многое успеть и увидеть.

***

Я уезжала. Даже бежала из своего родного посёлка в средней полосе России далеко на юг, в жаркий город Астрахань, что в самой дельте реки Волга. Дух авантюристки терзал и мучил, требуя заглянуть за горизонт. Я поняла, пора.

Родители проводили, это же родители! Нет, они не были довольны моим категоричным решением поменять адрес, работу, увлечения и даже жизнь. Мама, с мокрыми от слёз глазами, в сотый раз давала нужные наставления, надеясь в глубине души на скорое возвращение «блудной дочери». Это она дала адрес сестры своей подруги в том далёком городе, чтобы дочь её, непутёвая, на улице не осталась.

Отец, потупившись, молчал. Как часто мы с братом слушали его рассказы о Праге, где для него закончилась Вторая Мировая война, где он встретил Победу. Рассказы отца о работе на севере нашей страны, о жизни на Дону, где песчаные холмы оберегали тайну бывших разбойничьих пещер, переживала вместе с ним. О загадочных происшествиях из жизни отец рассказывал упоённо. По его инициативе наша семья из года в год выписывала журнал «Вокруг света». Вечерами все вместе делали разбор очередного номера. Это были сладкие вечера.

Благодаря отцу, я влюбилась в наш мир. Он понимал своё невольное причастие к отъезду дочери, к тому влечению в неизвестность, которое было навеяно им в далёком детстве.

Он знал, что я решила.

У моих родителей имелся надел земли рядом с железной дорогой. Ещё подростком время от времени меня принуждали там работать. Работать мне было не в «жилу». Я с тоской смотрела на пробегавшие мимо поезда. Как я завидовала тем пассажирам! Мама думала, что это пройдёт, списывая всё на мой подростковый возраст. Не прошло.

Мне уже не 28, а мамы 15 лет, как нет рядом, да и отец двумя годами раньше ушёл. А тогда, зажав в руке листок бумаги с нужным адресом, я вышла из поезда на ночные и от того угрюмые улицы южного города.

Азиатский тип лица редких прохожих казался чуждым, совсем непривычным мне, жительнице средней полосы, где только и видела, что белокожих да голубоглазых земляков. Даже сомнение закралось, что русский язык у них здесь в ходу. Осмелилась обратиться к казахам с просьбой подсказать адрес с моего листка. А они ведь сразу всё поняли и активно, наперебой жестикулировали, внятно изъясняясь на русском языке. Тут у меня на душе отлегло. Значит, жить можно!

Я могла уже тогда предположить, что татары, казахи, кавказцы, станут не только моими соседями, а ещё коллегами по работе и даже друзьями. Но догадаться, что именно с этого города начну путешествовать по континентам, я не могла.

В ту ночь быстро нашла нужный мне дом, подъезд, этаж и позвонила. Старческий голос за дверью сонно спросил:

– Кто там?

Быстро залепетала:

– Это я, Тамара из Брянска. Откройте пожалуйста!

Бабушка изо всей моей тирады поняла только название города и сразу открыла дверь. Потом было знакомство на кухне за чашечкой чая. Я сразу все карты раскрыла, заявив, что приехала сюда жить. Бабушка испугалась, но зря. На следующий день, устроившись на работу, о сути которой даже не предполагала, сразу получила койко-место в молодёжном общежитии, освободив бабушку от страшных мыслей.

Конец восьмидесятых. Наше заводское общежитие находилось на территории международного студенческого городка. Место оказалось весёлое! Встречи, знакомства, праздники были интересными, и проходили в актовом зале под присмотром сотрудников ДНД (Добровольная народная дружина).

Иностранные студенты часто навевались к нам на танцы, где я познакомилась со скромной девушкой из Никарагуа. Предположить, что эта встреча кардинальным образом изменит мою жизнь, закрутит её в торнадо, понесёт с бешеной скоростью по миру, я не могла. Мы с Бирманией просто общались и время от времени посещали друг друга.

Моя подруга рассказывала о своей стране восторженно и упоённо, а я, затаив дыхание, мечтала. Ей нужен был слушатель, а мне рассказчик, ведь 80-ые годы ещё не знали интернета. Живое общение нас сроднило надолго. Я полюбила ту страну безоговорочно. Она мне снилась по ночам. В тех безумных и бредовых снах виделись синие дали, горные пики и кипящие вулканы. Ночами напролёт я летала над бездонными ущельями. Я ожидала чего-то удивительного и нового.

Каждый день приносил свежие эмоции и приятное общение. Благодаря Бирмании, круг знакомства ширился, и не только никарагуанские студенты стали мне друзьями. Латиноамериканцы как-то незаметно наполнили мою жизнь своей искромётной музыкой и танцами.

Иногда мы устраивали собственные праздники по выходным дням. Особенно весело отдыхали в летние каникулы, когда многие иностранные студенты оставались в России за невозможностью съездить к себе домой. Позже я узнала, что для латиноамериканцев конец недели – это, несомненно, праздник с выездом на природу родственников и друзей. Таких же принципов они придерживались и в России.

Тогда нам было совсем неважно у кого состоится следующая вечеринка. Все вместе мы готовили рис по никарагуанскому рецепту, мариновали мясо – благо, студентам полагался ежемесячный паёк в несколько килограммов – а потом жарили его в той посуде, которая была под рукой. Чаще всего, конечно, собирались у меня. Вернее, в нашей семейной секции общежития, где проживали ещё несколько семей, и среди них – казахская.

Мне всегда везло на хороших людей. Соседи не меньше моего ждали конца недели, чтобы собраться вместе и придумать себе развлечение. Мы были молодые, а, значит, весёлые, даже слегка безбашенные!

В общем секционном переходе сдвигались столы, а на них выставлялись «яства», если можно было так назвать скудные припасы из холодильников. Конец 80-ых был трудным периодом времени. Талонная система на жизненно необходимые продукты не была простой. Мало того, что действовали ограничения в распределении продуктов, так ещё приходилось занимать очередь в магазин с пяти утра.

Иностранным студентам было легче. Свой ежемесячный паёк они выкупали хотя бы без ранних очередей.

Общие увеселительные мероприятия сдабривались разливным пивом, которое продавалось из бочек прямо на улицах. И не пьянства ради, а компании. Конечно, инициатива принадлежала парням, а ответственность за доставку напитка, слегка разбавленного водой, возлагалась на никарагуанца Фернандо. Он был крепким и представительным юношей. За пивом тоже была очередь, но Фернандо в ней уважали, благодаря внушительной внешности. Трёхлитровая банка, закрытая пластмассовой крышкой, доставлялась вовремя.

После обеда наступало время музыки и танцев. Помните? Ламбада! Вот это было круто! Танцевали все! К вечеру шумной компанией шли гулять по набережной Волги.

Любимой нашей игрой был «Испорченный телефон», когда каждый участник друг другу быстро шептал на ухо одно и то же слово, а последний играющий произносил его громко. Весёлая игра нам очень нравилась, особенно её любили иностранцы, ведь бог знает, какое слово они услышат из непривычного им произношения? Тут у них был повод поспорить на тему знания русского языка.

Но не только развлекаться мы умели. Я помогала студентам писать рефераты по гуманитарным наукам, проверяла их работы по русскому языку и слушала рассказы о заморских странах. Потом случилось несчастье.

***

Я в тот день с утра и до вечера сидела в клинике под дверью кабинета доктора в ожидании результата биопсии. Наконец-то состоялся разговор с заведующим поликлиникой. Доктор предложил срочную операцию, а я ему не поверила. Он дал мне ночь на размышление. Вышла из клиники в полном непонимании ситуации.

– Нет, это не про меня!

Всё казалось неправдоподобным, кем-то нарочно придуманным. Конец февраля. Шла по городу в звенящей капели и не верила. Решение надо было принять до утра. Солнце слепило сияющим светом, воробьи в лужах распушили крылышки.

– Нет, это ошибка! Этот мир без меня существовать не может! Пальто распахнуло весной, талый снег под ногами шуршал.

– Конечно, ошибка!

Придя домой, уснула в надежде проснуться здоровой. Снова синие дали виделись и колибри, похожие на цветы, а очнувшись утром, позвонила доктору и дала своё согласие.

Две операции одна за одной, реанимация, а потом большая общая палата. Моложе меня никого не было. Взрослые женщины, глядя в мою сторону, тихо шептались, а я с ужасом обозревала соседок в больничных байковых халатах.

Лёжа в постели, готовилась к первому врачебному обходу. Посчитала, что мне очень нужен макияж.

– Что это я с синими губами и бледным лицом?

Забинтованная туго рука, с торчащей из-под бинтов жёлтой резиновой трубкой, оказалась бесполезной. Но вторая же рука свободна! С кисточкой для ресниц застали меня врачи. Мой хирург вынес вердикт:

– Она будет жить!

Не осознавая ту грань между жизнью и смертью, я твердила себе:

– Я же говорила, ошибка! Ошибка! Я буду жить!

В день выписки из больницы состоялась личная встреча с доктором. Он назвал меня чудом в его хирургической практике.

– Точно, ошибка!

Хотелось смеяться и кружить моего старенького доктора. Хотелось обнимать и целовать его морщинистые руки! Хотелось жить, ведь у меня была мечта!

Щурясь от солнца, неуверенно сошла по широким ступеням онкологического центра. От непреходящей эйфории меня слегка покачивало. На улицах города уже отзвенела капель, почки проклюнулись на ветвях, зелёная трава вот-вот укроет газоны. Весенний кураж одолевал, едва сдерживала его порывы.

– С ума сойти, как хорошо! Я живу! Я полечу на край земли!

Это потом закончится действие обезболивающих средств и буду страдать от боли. Это потом, через четыре месяца, меня признает инвалидом уважаемый совет врачей. Это слово будет написано в выданном удостоверении. Но что значило оно в сравнении с моей мечтой? Как оно могло повлиять на чётко сформировавшееся решение?

Синие дали мыслей не отпускали, навязчиво рисуя голубые глаза озёр, водопады в тропических джунглях, где на лианах качались игривые обезьяны.

Реальность была не за горами.

– Инвалид! – твердили мне вслед.

А с меня, как с гуся вода:

– Ну и что? Пусть инвалид. Мне надо увидеть ту землю! Мне надо увидеть тот мир!

В результате несколько лет своей жизни посвятила маленькой стране в Центральной Америке.

Глава 1. Далёкая страна

Первый раз полетела в Никарагуа в 1989 году с лёгкой руки моей подруги – никарагуанки Бирмании, которая училась в нашем городе, а жили мы с ней в общежитиях напротив. Так и познакомилась.

Тогда в Манагуа летали самолёты «Аэрофлота», и билет в оба конца с открытой датой на год стоил \$300. Такую же сумму разрешено было брать с собой. Валюту покупала в московском банке, а больше нигде и не купить. За этим специально ездила поездом в столицу за полторы тысячи километров. Там жила в течение недели, снимая комнату в московской коммуналке. Ведь я не одна собиралась выехать из России. Вся страна съезжалась для покупки долларов в тот единственный банк на Ленинградском проспекте, но в один день всех не успевали обслужить.

Рано утром автобусом, потом трамваем добиралась к банку, к самому его открытию. Народу было, как в Мавзолей. Очередь почти не двигалась, а в конце рабочего дня все желающие выехать за рубеж тщательно вписывали свои фамилии с подписями в общий список очередников, не успевших получить те свои положенные \$300.

Следующим утром, ровно в девять часов, организовывалась пофамильная переключка очередников выбранными активистами. Если кто-то из участников данного мероприятия опоздал, его фамилию безжалостно вычёркивали из общего состава.

Перед тем, как познакомиться с далёкой страной в Центральной Америке, я уже посетила три государства социалистического блока. Будучи студенткой музыкального училища, гастролировала в составе ансамбля по городам-побратимам Брянску. А тут мне представилась возможность попасть в страну третьего мира. Кто тогда мечтал об этом?

Стоит ли рассказывать о трудностях с оформлением паспорта и сбором нужных документов? Их собралась приличная стопка. Это сейчас загранпаспорта получают все, а тогда добивались его, именно добивались, единицы.

Мне удалось преодолеть и выстрадать все искусственно созданные препятствия для русских, выезжающих самостоятельно за границу из СССР по приглашению иностранных граждан. Существовавший тогда ещё «железный занавес» вдруг приподнялся для меня и, боясь, что он с железным звоном опустится вновь, я выскользнула из-под него и полетела...

***

Последующие 30 лет летала в Никарагуа ещё десять раз, и грамоту за неоднократное пересечение Атлантики мне торжественно вручили на борту «Аэрофлота».

Помню каждый свой полёт, это необузданное студенческое веселье в аэропорту. Группировались все по странам, я, конечно, с никарагуанскими студентами. Молодёжь из латиноамериканских стран училась в бывшем СССР, любезно принятая в наши международные ВУЗы.

Бывало, что студенты немного выпивали за встречу, а потом шкодничали беззлобно, как то возили друг друга на багажных тележках через весь аэропорт, или же прятали от милиции распечатую бутылочку вина в рядом стоящую сумку ничего не подозревавших серьёзных пассажиров, а потом опять забирали.

Ребята передавали небольшие посылки для родственников в обе стороны. Всё было просто и здорово!

Самолёт всегда вылетал в половине третьего ночи, делая две дозаправки по пути следования. Но где? Пассажиры заранее об этом не знали, уже в полёте объявляли о предстоящих посадках. Видимо, была в том какая-то хитрость на предмет угона самолёта. На каждую дозаправку уходил час или полтора времени, и в результате перелёт оказывался почти суточным.

В августе 1991 года произошёл путч у Белого дома в Москве, а мы на тот момент были уже в воздухе, успев вылететь из московского «Шереметьево». Те, кому предстояло лететь следующими рейсами, задержались в аэропорту на трое суток до восстановления порядка в стране.

О путче я узнала при дозаправке в Северной Ирландии, где по всем мониторам аэропорта транслировали нашу родную столицу, заезженную танками и затоптанную толпами обезумевших людей. На документальную съёмку военных лет это не походило, головоломка казалась неразрешимой. И только при посадке на Кубе наши стюардессы внесли относительную ясность произошедшего события.

В ту ночь случилось противостояние двух государственных структур. В результате трёхдневной борьбы, к власти пришло новое правительство России во главе с Б. Н. Ельциным. Эти события выпали из моей жизни. В стране меня тогда не было.

Каждый раз, улетая из Никарагуа, меня провожали и передавали весточки для студентов их родители, а также мои обретенные друзья. Они шумно толпились у стойки регистрации до самого вылета. Потом поднимались во второй этаж к стеклянной стене аэропорта, чтобы напоследок помахать выезжающему на взлётную полосу лайнеру.

Однажды улетала из Манагуа, самолёт набирал высоту. В тот момент внизу, в огромном городе под нами, произошло землетрясение, и мы стали свидетелями жутких разрушений и паники, наблюдая за этим сверху. Позже узнала, что аэропорт бездействовал несколько дней. Были нарушены взлётные полосы. Тогда я снова улетела вовремя.

Мне очень нравилось летать.

Терпеливо ждала заоблачного рассвета, а о его наступлении оповещала всех пассажиров.

Прилипнув носами к иллюминаторам, мы наблюдали поистине космический восход солнца неземной красоты. Маленькая яркая точка на совершенно чёрном небосклоне начинала расти, меняя неоднократно свой цвет при полной черноте вокруг. И, как бы с трудом пробиваясь сквозь тьму, наступал рассвет.

А однажды в совершенно безоблачную погоду командир экипажа объявил:

– Пользуясь редкой удачей, мы можем созерцать с высоты в 11000 метров Саргассово море!

Внизу всё было зелено. Такое явление наблюдается не всегда. Водоросли саргассы укрывали океан зелёными сгустками. Иногда они могут находиться на значительном расстоянии друг от друга. А порой водорослей в море просто нет!

Саргассово море

Волны лениво перекатывались через полузатопленные острова, таща за собой длинные зелёные ленты сплетённой морской травы, которые были прекрасно видны сверху.

Это безбрежное море в океане очень тёплое оттого, что вода здесь почти стоячая.

Так случилось, что несколько океанских течений, разветвляясь и вливаясь одно в другое, описывают круг в океане по часовой стрелке, а внутри этого круга гигантское морское болото – Саргассово море. Оно огромное. Западной границей ему служат Антильские острова, с севера – Бермудский архипелаг, а с востока оно почти достигает Азорских островов.

Именно здесь и только здесь в водорослях-саргассах появляются на свет мальки угря и вместе с тёплым течением Гольфстрим, находясь в пути два с половиной года, поднимаются к европейским рекам. Самцы этой плохо изученной рыбы остаются в устьях, а самки идут по рекам выше. Через семь-десять лет взрослые особи возвращаются вниз по течению, если встречаются преграды на пути, то ползут по суше, пока не найдут реку. На суше могут жить до трёх суток.

Возвращается угорь неизменно в Саргассово море, нерестится там и погибает, а жизненный процесс повторяется снова. Такая странная рыба. Зачем ходить по 10000 миль туда и сюда? Много в её поведении остаётся загадкой по сей день.

Всякий раз, находясь над этой, полной таинственных легенд, акваторией Мирового океана, стюардессы объявляли:

– Сейчас мы пролетаем над Бермудским треугольником! – и по салону шёл ропот. А меня это только забавляло... до поры, до времени.

Как-то я отправилась в Манагуа местными авиалиниями с Тринидада и Тобаго. Высота нашим «Боингом» была набрана 5000 метров, все пассажиры отстегнулись и, позавтракав, занимались своими делами. Дети играли в проходах кресел, кто-то куда-то ходил, а я слушала музыку.

И вдруг! Сильнейший толчок сотряс наш лайнер, потом рывок, а после этого и то и другое одновременно. Самолёт стало бросать и корёжить, казалось, вот-вот отвалятся крылья. Наступила невесомость, я приподнялась из кресла, вверх полетели пластиковые пустые стаканы из-под напитков, бумажные салфетки, всякая лёгкая мелочь. Я поняла, что мы падаем.

Страшно кричали женщины и дети, стюардессы успокаивали пассажиров, передвигаться по салону они не могли. Мигал свет, творилось что-то неопишимо страшное. Ситуация походила на фильм ужасов. Мелькнула мысль:

– Ну вот, меня ждут обратно домой, а я ещё и до места не долетела.

Довольно часто говорят о покадровом просмотре своей собственной жизни в минуты ужаса и ощущении конца. Это правда. Именно покадрово промелькнула перед глазами жизнь, а место в ней принадлежало только самым близким людям.

Как выровняли самолёт и набрали высоту – не знаю. Командир экипажа извинился за не предупредившее, так как внезапная турбулентная зона не была зафиксирована приборами. Легче от этого никому не стало. У одного из пассажиров случился инфаркт, и при вынужденной посадке в Сальвадоре его выносили первым, как при пожаре. Здесь же, в переходе-рукаве, приступили к его реанимации, а мы, испытав сильнейший шок, молча проходили мимо.

В тот день вечером мне предстоял дальнейший перелёт до Манагуа, а пока на такси поехала в столицу Сан-Сальвадор только по причине шопинга. Свободного времени до вечера было предостаточно.

Исхлёстанное эмоциями моё бедное сердце бешено стучало от предвкушения встречи с далёким прошлым. Как будто бы не было тех лет, когда я в первый раз оказалась в послевоенном Сальвадоре. Столица предстала намного веселее и опрятнее, нежели в разрухе давних лет. Дома были окрашены разноцветно, появились парки и зелёные скверы, величественные храмы незыблемо возвышались над городом, и всё мне казалось родным и знакомым.

А вечером, при посадке в самолёт до Манагуа, снова почти физически почувствовала пережитую турбулентность над Бермудским треугольником. Я с ужасом в глазах смотрела на быстро заканчивающуюся очередь на рейс. Почувствовала, как падает моё давление и... потеряла сознание. Слишком трудно было преодолеть тот страх. В чувство меня, конечно, привели, пообещав, что над водой лететь не будем, а значит, ужасов не предвиделось.

Теперь мне кажется, что я не могла погибнуть, ведь жизненные планы были ещё не завершены. Но именно с тех пор боюсь летать, всегда беру с собой в дорогу молитвослов и одержимо читаю молитвы за каждого сидящего в салоне. А ведь сколько уже полётов было!? Может тысяча, или две.

Глава 2. Кража в день замужества

Я горжусь тем, что в Никарагуа меня ограбили\обворовали всего четыре раза, а не двадцать четыре. Любой почтёт за честь быть слегка ограбленным в Рио-де-Жанейро – так шутят туристы, об этом ходят легенды, к тому же всегда можно вспомнить про это в кругу друзей.

Никарагуанцы ни в коем случае не уступали бразильцам. Воровали всё и вся! Помню, в одной из наших российских передач рассказывали интересный факт из вояжа нашего известного путешественника. У него было кругосветное путешествие на велосипеде. Так вот, въехал тот странник в Никарагуа с часами на руке, мчался на всех парах по стране без остановок, чтобы не ограбили, а когда выехал из Никарагуа, то часов на руке не оказалось. Как тут не засмеяться? Мне самой несколько раз приходилось стать жертвой грабежей, и я всегда поразилась – как можно так искусно работать?

***

Пробыть в Никарагуа я собиралась месяц, а прожила несколько лет! Испанский язык начала учить задолго, ещё в России, когда Бирмания предложила посетить её страну. Она уже заканчивала обучение в ВУЗе. С языком казалось всё легко и просто. Когда приехала на место, то поняла, что я – ноль. Учить начала всё заново. Занималась до умопомрачения, иногда мне казалось, что схожу с ума от этого везде слышимого испанского языка. Страшно хотелось говорить на своём, русском. Часто плакала от бессилия. Ведь надо было выходить на улицу, а я боялась сделать даже элементарную покупку в магазине. Бирмания каждый вечер меня экзаменовала. О возврате в СССР мысли не допускала.

Это сейчас я зрелая и смелая, а тогда была молодая и стыдливая. Эта страна меня закалила. То, что нас не убивает ... – знаете.

Мальчишки на улице каждый раз будто бы ждали моего появления и обзывали какими-то непонятными словами, при этом, улюлюкая вслед, они с гоготом бежали за мной и кричали: – Тупая! Тупая!

Ну как могла им объяснить, что я умная?

У моей подруги время от времени вместе собирались студенты, учившиеся в СССР. Говорить по-русски со мной они не очень хотели, как я по-испански с ними, но тем не менее я жаждала общения с бывшими студентами. Всех их я знала.

Рамиро принадлежал к моим хорошим друзьям, и я была знакома с его девушкой в Советском Союзе, которую мой друг ждал в гости на месяц. Через две недели я надеялась наговориться на своём русском, родном языке. Именно Рамиро познакомил меня вскоре с моим будущим мужем.

Приехала Лена мне на радость, и Рамиро с Хосе пригласили нас на океан. Взяли напитки в ручной холодильник, ещё чего-то и поехали. Пока ребята суетились у импровизированного стола, пытаясь нам угодить, мы с Леной прогуливались по пляжу. Навстречу нам шёл большой белокожий мужчина с профессиональной камерой наперевес. Он делал съёмку береговой линии. Мы, попав в кадр, глупо стали позировать и кривляться по-обезьяньи. Оператор заинтересовался на мгновение, но дальше этого не пошло и он проследовал мимо.

Обидевшись за то, что нас не оценили и вряд ли покажут в мировых новостях, пошли купаться в море. Плескаясь, не заметили нашего оператора, который снимал теперь уже океан. Мы замахали ему руками, заманивая в воду и надеясь ещё выйти на экраны телевизоров. Мужчина оставил свою камеру на берегу и огромными шагами побежал к нам. Лена, как преподаватель французского языка в пединституте, стала изъясняться с незнакомцем на французском, я хихикала и просто мычала, а мужчина пытался говорить по-испански. В общем, с языками

получилась полная неразбериха. Бурно жестикулируя, устроили шум-гам. Когда стало ясно, что нам никогда друг друга не понять, то чисто по-русски и грубо спросила Лену:

– Что хочет этот ненормальный?

Мужчина вскрикнул и выпрыгнул из волны, заорав:

– Девчонки, да вы русские! А я-то думал... – он думал, что мы настоящие американки!

Разочарование наше было недолгое. Позвав с берега друзей, мы все стали обниматься на радости и кричать дикими голосами. Ребята оказались строителями плотины из бывшего Ленинграда. Больше никогда не встречала русских в Никарагуа, если не считать нескольких девушек, что объединили свои судьбы с никарагуанцами.

Вскоре, погостив, Лена уехала.

Для того, чтобы задержаться в стране более месяца, чего мне очень хотелось, я должна была вступить в брак. И во второй мой приезд на это решилась. Претендентов было много, можно было выбирать, выбор пал на Хосе. Он сразу был оповещён о моих намерениях и мы поехали жениться к знакомому нотариусу.

Тогда и сейчас я уверена, что поступила правильно. Возможно, мои действия кому-то покажутся не совсем патриотичными, но те годы смены режима и, как следствие, вопиющего произвола в нашей стране объясняют и оправдывают многое. Хотя, что уж тут скрывать?

Это была любовь, в которой себе долго не признавалась. Только сейчас могу сказать без стеснения, всепоглощающей она была, страстной, сумасшедшей и очень больной. Больной на долгие годы, даже десятилетия. Непреходящей любовью была и всепрощающей, терзающей мозг и рвущей в клочья сердце. Затихла она не скоро, застыла, окаменела, съёжилась в колкий комочек, сопротивляясь вновь входящему чувству, отталкивая его, не принимая. Но эта повесть о другой любви.

В машине тогда нас было трое: я, мой будущий муж и его закадычный друг в роли водителя. Под сиденьем салона автомобиля хранился мой паспорт, билет обратного вылета в СССР и все документы Хосе для предстоящей женитьбы. Остановились мы перекусить у рынка Ориенталь в столице.

Каков был ужас, когда, вернувшись через пять минут с недопитым соком в руках, мы обнаружили открытой машину и исчезновение всех документов!

Я почти обезумела в тот момент, ничего не могла понять, никого не слышала вокруг, только тупо смотрела на то место, где десять минут назад лежал мой паспорт с билетом. Это была кража всей моей жизни, ведь тогда не было электронных билетов, которые с лёгкостью можно восстановить, не было компьютерной программы, где хранятся паспортные данные каждого иностранного гражданина, въехавшего в страну, да и вообще, компьютеров не было, не считая огромных ЭВМ на предприятиях.

На тот момент я, наверное, походила на зомби. Все мои дальнейшие действия были механические. Послушно села в машину, также послушно отвечала на вопросы в полицейском участке, где нам посоветовали сразу обратиться в посольство.

И только у плеча нашего посла, как у плеча родного отца, меня прорвало. Истерически рыдая, я просто не могла говорить. Моя неумная фантазия рисовала страшные сцены жизни под мостом без документов, а бедная моя мамка родненькая, которой никогда не давала покойно жить, будет безнадежно ждать свою дочь до смерти.

Посол Советского Союза в своей мужской твёрдости совершенно не знал, что со мной делать. Сморкаясь в его посольский носовой платок, я постепенно успокаивалась. Наконец-то, проговорила. Посол, радостно хлопнув ладонью по столу, вытащил из сейфа початую бутылочку коньяка и предложил выпить за родину. Мои глаза постепенно высыхали.

Вручив послу свеженький акт из полиции о краже, я ещё всхлипывала и дёргала носом, а в соседнем кабинете секретарша уже выписывала мне новый паспорт, согласно переданным по телефону сведениям из СССР. В Никарагуа нас, русских, на тот момент проживало всего пять человек, поэтому пустые паспортные бланки не лимитировались. Очереди на улице за паспортами не стояли и, похоже, привалившая работёнка сотрудников посольства только взбодрила.

Посол был хорошим человеком. Возможно, я сейчас компрометирую замечательного сотрудника, но очень надеюсь, что сию повесть будет читать только солидарный со мной читатель. Думаю, что лёгкая пикантность ситуации не запятнает репутацию наших дипломатических работников. Ещё не раз мне приходилось к ним обращаться, да и не только мне. Служащие посольства всегда помогали немногочисленным русским гражданам в Никарагуа, которые по разным стечениям обстоятельств оказались на далёкой чужбине.

С территории посольства я вышла улыбающаяся с опухшим от недавних слёз лицом, слегка пьяна, а в руках крепко держала новый паспорт. Мои друзья, переживая и волнуясь, ждали на жаре два часа. Такого поведения они от русских не ожидали. Если бы у них на меня были права, то получила бы я по заслугам. Но прав пока никто не давал!

Умывшись и успокоившись, все вместе поехали в агентство «Аэрофлота» решать проблему с украденным билетом. Здесь за главного был один из выпускников советского ВУЗа. Говорил по-русски сносно. Выписывая мне копию документа на перелёт, пытался кокетничать перед моей зарёванной физиономией, а меня тошнило с коньяка и грубо хотелось рыгать.

Впоследствии этот сотрудник авиалиний неоднократно присутствовал в аэропорту при вылете нашего самолёта. С его помощью мы, русские женщины, умудрялись провозить багаж не в двадцать положенных килограммов, а в сорок! Вокруг меня всегда были хорошие люди.

А в тот день ещё не были закончены все дела. Последним абзацем нашего вояжа стало бракосочетание. Под проливным тропическим ливнем мы явились к нотариусу. Я всегда боялась этих ливней и, втянув голову в плечи, сидела где-нибудь в уголке, испуганно озираясь и считая, что вот он – мой конец.

На расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Казалось, что ливневый грохот вот-вот обрушит крышу над головой, а разговаривать в такой ситуации не имело смысла. Какое-то время все молчали, ожидая ослабление тропической стихии, которая, как правило, не бывает длительной, и очень скоро на небе может засиять солнце, будто ничего и не было. Закрыв плотно все двери, мы смогли начать общение. Все заговорили на испанском языке, я только на русском. Если меня не понимали, то повторяла ту же самую фразу, но более громко. Казалось, что так будет более ясно.

Нотариуса почти не слышала, к тому же знание испанского было на столь низком уровне, что даже если бы и слышала, то навряд ли смогла разобраться в запутанной и витиеватой речи сотрудника госслужбы. Мой супруг жестами делал пояснения:

– Встать! Поднять руку! – и просил повторять за ним непонятные для меня слова. Позже догадалась, что я давала клятву верности...

Замужем за никарагуанцем до сих пор и по сей момент ношу его фамилию, но вместе почти не жили, хотя я осталась до конца в семье его родственников. Так сложились обстоятельства, что независимо от наших стремлений, разным культурам не суждено было ужиться. У Хосе теперь своя семья, а в каждый мой приезд я говорю о разводе. Но мой никарагуанский муж разводиться не собирается, оставляя за мной право в любой момент вернуться в Никарагуа. Видимо, я стала важной вехой в его судьбе, да и он в моей.

После случая с пропажей документов решила, что всё своё ношу с собой, а лучше на себе. Моя думающая голова подавала разные идеи сохранения личных вещей. Мысли, конечно, были дельные, но не всегда мои хитрости берегли меня перед разгулом криминала в стране.

Как-то ехала после работы в городском автобусе по столице. Уставшая была, конец дня, час пик и всё такое, и тут водитель объявил, что следует до конечной станции без остановок. Это для того, чтобы вошедшие в автобус грабители имели достаточный запас времени. Водители автобусов и такси часто были из того же теста. Преступный договор имели с группами сомнительных личностей.

Меня сразу заметили, а я их. Несколько человек стали протискиваться через плотно стоявших пассажиров, всячески прижимая их и умышленно напирая на толпу. Но мне нужно было сойти. Зная, что у меня в сумке «шиш да голыш», рискнула прорваться вперёд и потребовать остановки. Сумка имелась для стилия, а \$5 аккуратно были приклеены к левой груди скотчем, чтобы не выпали.

Меня искусственно притирали со всех сторон. Я схватилась за свою сумку и обнаружила там чужую руку. Я стала яростно её щипать и кричать:

– Воры! Воры! – вор тоже орал благим матом, я держала его мёртво.

Наконец-то, тот вырвался и возмущённо огласил на весь автобус, что я хотела его ограбить. Я треснула его по «фэйсу», от неожиданности вор онемел в негодовании. Ведь он думал, что я богатая и сентиментальная гринго, а я оказалась бедная и дерзкая русская.

Преступник пытался схватить меня за шею, я изворачиваясь, пробиралась к двери. Остальные воры/грабители чистили во всю пассажиров, крик и ругань стояла среди них. Водитель почувствовал ненужный скандал в салоне, переходящий в драку, и остановил автобус

Я протиснулась в открытую дверь, сумка осталась внутри, а её ремень у меня на плече. Автобус тронулся. Спотыкаясь, бежала вслед и орала не весть как, но сумку из рук не выпустила. Проверив всё её содержимое, автобус всё же выплюнул ридикюль мне на радость. Отряхнулась и огляделась, а потом счастливая триумфально прошествовала до своего дома. Ограбить себя я тогда не позволила. Пустая сумка и \$5 остались при мне.

В один из последующих моих приездов в Никарагуа с уверенностью знатока злочной столичной жизни я вышла из автобуса на неправильной остановке, неосторожно имея золотой браслет на щиколотке. Народу в ожидании транспорта собралось много. Я выбрала одного из стоявших горожан и попросила подсказать нужную остановку. Незнакомец как-то растерялся, махнув неопределённо в сторону. В этот момент кто-то совершенно спокойно подошёл сзади и сорвал с ноги тот «выбражурный» браслет. Я только охнула, а грабитель, лавируя между летящими машинами, перебежал дорогу и остановился, понимая, что его не преследуют. Я собралась обратиться за сочувствием к растерявшемуся парню, а его уже «Митькой звали». Так же виртуозно молодой человек перебежал дорогу и воссоединился со своим товарищем. Они помахали мне рукой и скрылись. А ведь сколько раз говорили мне, чтобы золото на себе не носила!

Вот так иногда я сама шла в стан врага. И надо же мне было из пятидесяти стоявших на остановке человек обратиться именно к этим «дружкам»?

Последнее никарагуанское ограбление оказалось молниеносным.

Как-то вечером я сидела в одном из парков Манагуа со своими друзьями. Наша скамья имела спинку. Тут я почувствовала, что кто-то из-за спины дёргает меня за сумку. Подумала, что мои друзья подшучивают надо мной. Я всё пыталась заглянуть за скамью, при этом помалкивала. Пока я крутилась и высматривала шутника, сильнейший рывок оставил меня с одним ремнём на плече, а за ближайшим углом скрылся двенадцатилетний подросток с моим бауль-

чиком. Конечно, он был пуст, не считая сломанных ручных часов, которые всегда лежали там для веса.

Больше меня не грабили даже на, овеянном дурной славой, базаре Ориенталь, где четверо из пяти – воры.

Глава 3. Мой прекрасный дом

Ничто не могло омрачить моё пребывание в маленькой послевоенной стране Центральной Америки. Этот мир был наполнен яркими красками и неведомыми звуками.

Ездить и путешествовать, наверное, красиво. Для осуществления моих желаний нужны были средства. Тут пришлось хорошо думать и зарабатывать себе на мечту.

Идею мне подал один фотограф, сказав, что из СССР я могла бы привезти фотобумагу и организовать маленький бизнес. Мне можно было больше ничего не говорить. На родину я собиралась, где продают фотобумагу – знала.

В следующий мой приезд уже возвращалась с заказанной фотобумагой разного типа. На таможене сумку нужно было ставить в определённое положение, чтобы её (бумагу) не засветить при прогоне через лучи, иначе весь труд насмарку. Поклажа была очень тяжёлая.

Не надо думать, что в Никарагуа не было фотобумаги. Там было всё, но дорого, а наша – дёшево. Это было началом лихих 90-х. Советский Союз уже именовался Россией. Страна стала рассыпаться на отдельные регионы и была почти брошена на произвол судьбы. Зарплат уже не платили, предприятия закрывались, людей увольняли с работы, часто целые семьи жили на пенсии своих стариков. Период глобального безденежья стал тяжелейшим временем для россиян. Такое положение дел в моей стране послужило толчком для развития «фотобумажной» деятельности в Никарагуа.

Бумагу провозила трижды, и только один раз в Москве поинтересовались содержимым багажа. На свой страх ответила, что везу книги для моих друзей, которые учились в России, а теперь вернулись к себе в страну и нуждаются в учебниках, как молодые специалисты. На это не было запрета, поэтому никто даже и не заглянул, но ситуацию восприняла, как предупреждение, что пора прекращать риски в честь шампанского.

Привезённую фотобумагу продавала по всему Никарагуа. Ездила автостопом, при этом стопила только приличные машины, чтобы не ограбили по ошибке, посчитав меня за американку. Алчность бедняков слишком велика, да это и понятно. Соединённые Штаты здесь совсем рядом, а граждане страны часто приезжали в Никарагуа по делам бизнеса, или к себе на виллы, поэтому встретить их можно было повсеместно, но, конечно, не в одиночестве.

Операция «Ы» всегда проходила успешно. Все работники фотостудий были моими покупателями. Платили по-разному; кто сразу, а кто потом. Сначала меня фотографировали, чтобы ознакомиться с качеством товара, а качество совсем не уступало американским аналогам, оттого везде в фотостудиях висели мои портреты на нашей фотобумаге. Это мне льстило. Круг друзей разрастался.

Доход от продажи фотобумаги давал возможность жить и ездить в Россию, помогать родителям. Имела тогда два гражданства, такой статус был очень удобен.

Что бы я ни делала в стране вечного лета – мне всё доставляло радость и удовольствие, несмотря на явные минусы в управлении страной, когда разруха и бедность достались Никарагуа от гражданских войн. Ей ещё предстояло встать из руин, чтобы сбросить с себя груз войны и поднять свою экономику.

Просьпаясь рано утром – я уже была счастлива.

В послевоенном Никарагуа народу досталась тяжёлая жизнь. А мне всё как-то легко давалось. 95% населения страны жили впроголодь. Молодые специалисты, учившиеся в СССР и в моём городе, оказались здесь без работы. Это сейчас они богатые и толстые. У них прекрасные дома, шикарные машины, а тогда...

Моя подруга Бирмания была худенькой девчонкой с вечно пугливым взглядом. Сейчас эта роскошная дама со стильным маникюром, ярким макияжем важно восседает за рулём чёрного джипа. Моя подруга имеет семью, хороший дом и работу.

А друг Фернандо, когда-то нравившийся всем моим подругам, стал важным и толстым начальником. Любовь к пиву он не утратил! При встрече в 2009 году я даже не смогла его охватить.

Рамиро, двоюродный брат моего супруга, округлился так, что щёки лежали на груди. Он тоже учился в моём городе и дорос до владельца рыбопитомников. Сам их создал на базе одного из государственных предприятий и там выращивал рыбу осетровых пород. А ведь раньше был худым и хитрым. Обладал удивительной способностью приходить в тот момент, когда студенты обедали у себя в комнате, приготовив что-то скудненькое на небольшую стипендию. Дверь изнутри от него закрывали, старались ложками не стучать, а он за дверью стоял и кричал:

– Открывайте! Вам что, риса жалко?

Все их судьбы, это и моя судьба, бурная молодость, если хотите, не знавшая усталости в веселье, смешливая, влюбчивая, доверчивая, обнимавшая весь мир. Рядом с друзьями – хоть в СССР, хоть в Никарагуа – прошла часть и моей жизни. Наверное, благодаря друзьям, их страна меня приняла. Мы встречались время от времени, ездили друг к другу в гости, проводили вместе праздники и устраивали совместные обеды. Такие встречи служили мне отдушиной, где я могла вставить русское слово, обсудить общие темы и от души посмеяться.

Жила я в шикарном доме колониального испанского стиля с высоченными колоннами, упиравшимися в потолок. Огромный зал с мозаичным рисунком по стенам создавал эхо. В двух внутренних патио росли невиданные мною доселе растения и деревья. Один из двориков имел посередине бассейн, а вокруг него в огромных горшках с изображением масок индейцев майя цвели райские цветы. В середине бассейна, на островке, выросло дерево какао.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.